

УДК 343.1

ББК 67.411

С 437

Редакционная коллегия:

Доктор юридических наук, профессор

В.А. Семенцов (отв. редактор)

Доктор юридических наук, профессор,

заслуженный юрист Кубани

О.В. Гладышева

Доктор юридических наук, профессор

С.В. Потапенко

С 437 Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конференции / отв. ред. В.А. Семенцов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020 – 445 с. – 500 экз.
ISBN 978-5-8209-1735-6

В издании представлены научные статьи, отражающие актуальные проблемы реформирования судебной системы, создания необходимых условий независимости судей, обеспечения открытости и прозрачности правосудия, повышения уровня исполнения судебных актов. С использованием зарубежного опыта анализируются перспективы цифровизации уголовного судопроизводства, улучшения качества предварительного расследования и рассмотрения судами уголовных дел, поиска оптимальных средств правообеспечения и др.

Адресуется ученым, преподавателям, аспирантам, студентам юридических вузов и факультетов, а также практическим работникам.

УДК 343.1

ББК 67.411

ISBN 978-5-8209-1735-6

© Кубанский государственный
университет, 2020

7. Предусмотреть дальнейшее развитие внесудебной процедуры разрешения споров, включая между государственными органами и гражданами, проработав вопрос о принятии Закона Республики Таджикистан «О медиации».

8. Разработку нового документа целесообразно связать с не реализованными пунктами и задачами предыдущих Программ судебно-правовых реформ, чтобы упорядочить единую цель и последовательность решаемых задач.

С.Б. Россинский

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ПРОИЗВОДСТВОМ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: НУЖНЫ ЛИ ДАЛЬНЕЙШИЕ РЕФОРМЫ?

JUDICIAL CONTROL FOR PRODUCTION OF INVESTIGATIVE ACTIONS: DO I NEED FURTHER REFORMS?

В статье пересматривается ранее высказанная автором точка зрения о надежности последующего судебного контроля и делается вывод о том, что при отсутствии в России института следственных судей наиболее приемлемым будет частичная реставрация механизмов прокурорского надзора, располагающего достаточным потенциалом защиты прав и законных интересов личности.

The article reviews the author's previously expressed point of view on the reliability of subsequent judicial control and concludes that in the absence of the Institute of investigative judges in Russia, the most acceptable is a partial restoration of the mechanisms of Prosecutor's supervision, which has sufficient potential to protect the rights and legitimate interests of the individual.

Ключевые слова: судебный контроль, следственные действия, прокурорский надзор, осмотр жилища, обыск.

Key words: judicial control, investigative actions, prosecutor's supervision, home inspection, search.

В последние годы на фоне общей тенденции, направленной на имплементацию в систему национального судопроизводства международно-правовых ценностей, в уголовно-процессуальной науке достаточно пристальное внимание уделяется проблемам судебного контроля за производством следственных действий, ограничивающих конституционные права личности. Этот институт предварительного расследования – предмет постоянных дискуссий.

Закон предусматривает предварительный и последующий судебно-контрольные механизмы за проведением следственных действий, различающиеся по времени рассмотрения судом соответствующих материалов. Действующий УПК РФ в качестве основной формы использует предварительный контроль. По общему правилу, установленному ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ, следователю вначале надлежит заручиться соответствующим судебным решением и лишь потом произвести осмотр, обыск, выемку и др. И только в исключительных случаях, связанных с безотлагательностью производства следственного действия, законодатель допускает возможность использования механизмов последующего судебного контроля в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

Очевидно, это объясняется желанием законодателя установить в уголовном судопроизводстве такой юрисдикционный режим обеспечения прав и свобод личности, который бы полностью соответствовал международно-правовым стандартам и Конституции РФ. Но анализ основополагающих актов международного права показывает, что ни в одном из них не содержится каких-либо прямых предписаний относительно необходимости предварительного судебного контроля за производством следственных действий. Кстати, по этому поводу не наблюдается и какой-либо определенности в решениях Европейского суда по правам человека.

Получается, что приоритет предварительного судебного контроля в части производства следственных действий – это внутренний вопрос Российской Федерации, требующий разрешения на уровне национального законодательства? Однако анализ Конституции РФ позволяет констатировать, что она прямо устанавливает

необходимость получения судебного решения лишь в связи с ограничением права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. В отношении неприкосновенности жилища ст. 25 Конституции РФ содержит менее резкое предписание: «Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или (!) на основании судебного решения». Таким образом, судебное решение в конституционно-правовом контексте рассматривается не как единственная, а всего лишь как дополнительная гарантия неприкосновенности жилища, применяемая в случаях, прямо не урегулированных соответствующим федеральным законом.

Судебный контроль за некоторыми другими следственными действиями привязан к тексту Конституции РФ вообще достаточно условно и с очень большой натяжкой. Например, подобная ситуация складывается в сфере правового регулирования осмотра, обыска или выемки у адвоката, судебную защиту которого можно лишь косвенно обосновать конституционным правом на получение квалифицированной юридической помощи и весьма спорными позициями Конституционного Суда РФ, увязывающими адвокатскую тайну с неприкосновенностью частной жизни, личной и семейной тайной.

В вопросах правового регулирования следственных действий УПК РФ почему-то пошел по наиболее сложному пути, очевидно, продиктованному желанием как можно более наглядно продемонстрировать переход РФ к принципиально новой идеологии уголовного судопроизводства.

На первый взгляд, указанные идеи являются безупречными. Но правовые иллюзии законодателя о судебной защите прав личности при производстве следственных действий развеиваются, когда речь заходит уже не о самих либеральных принципах, а о конкретных механизмах их реализации, предусмотренных ст. 165 УПК РФ. Будучи направленным, главным образом, на обеспечение материальных ценностей, предварительный судебный контроль оказывается не лишенным целого ряда существенных недостатков организационного и процессуального характера.

Один из них заключается в том, что посредством предварительного судебного контроля на практике создаются дополнительные правовые преграды для быстрого и эффективного производства на первоначальном этапе расследования. Вполне очевидно, что и осмотр, и обыск, и даже выемка зачастую являются первоначальными следственными действиями и нередко осуществляются в условиях цейтнота. Сотрудники органов дознания и предварительного следствия в ряде случаев просто физически не успевают выполнить все предусмотренные ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ условия и получить в установленном порядке судебное решение. К тому же на практике подобные процедуры зачастую оказываются слишком бюрократизированными, требующими подготовки целого комплекса различных документов.

Сложность получения предварительного судебного решения на производство следственного действия порождает еще одну практическую проблему – тенденцию к злоупотреблению правом на осуществление осмотра, обыска или выемки в условиях безотлагательности. В ряде случаев органы предварительного расследования просто маскируют следственные действия под безотлагательные либо искусственно создают соответствующие условия. Вследствие этого осмотр, выемка и особенно обыск проводятся без предварительного судебного решения в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

На первый взгляд, можно предположить, что рассмотренный недостаток судебного контроля имеет исключительно организационно-кадровый аспект и вполне устраним посредством повышения профессионализма, правосознания, правовой культуры и личной ответственности следователей. Однако данный механизм имеет и еще одну «ахиллесову пяту», уже сугубо процессуального характера. Дело в том, что ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ устанавливают такую форму предварительного судебного контроля за производством следственных действий, которая осуществляется в условиях тайны, то есть посредством двусторонних правоотношений между судом и участниками уголовного процесса со стороны обвинения.

И действительно, как можно не сохранять в тайне решение о производстве обыска, если его эффективность напрямую зависит от внезапности проведения. Кстати, эта позиция прямо вытекает и из п. 6 постановления Пленума Верховного Суда от 1 июня 2017 г.

№ 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)».

Установленный законом порядок получения предварительного судебного решения на производство следственного действия не соответствует современному представлению о состязательных механизмах реализации судебной власти. Предварительный судебный контроль в этой части скорее напоминает не деятельность суда, а некую административную процедуру, которую отдельные авторы называют судебным санкционированием¹. Он мало чем отличается от существовавшего ранее (по УПК РСФСР) прокурорского порядка санкционирования обыска; разница по существу заключается лишь в том, что роль прокурора теперь выполняет другое должностное лицо – судья. А решение по-прежнему принимается исключительно на основании представленных следователем материалов.

Кстати, на данный факт указывают и статистические данные, согласно которым суды удовлетворяют ходатайства органов предварительного расследования о проведении следственных действий практически в 100 % случаев. А редкие отказы обусловлены исключительно формальными основаниями.

Ввиду обозначенных выше проблем мы уже неоднократно писали, что основной способ обеспечения конституционных прав личности при производстве следственных действий – предварительный судебный контроль – представляет собой весьма слабую, малоэффективную и достаточно сомнительную процессуальную гарантию. А его использование оказывает скорее негативное влияние на современную правоприменительную практику. И в своих прежних публикациях мы предлагали в качестве выхода из сложившейся ситуации полную замену предварительного судебного контроля последующим судебным контролем. Однако наши дальнейшие изыскания по данному вопросу сильно поколебали эту позицию, по крайней мере, по двум причинам.

---

¹ *Рябцева Е.В.* Судебное санкционирование в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 20; *Татьянина Л.Г.* Судебное санкционирование как форма реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве // Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 15-летию Конституции Российской Федерации / под ред. И.М. Мацкевича, Е.С. Шугриной В 2 т. М.: МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2009. Т. 2. С. 331.

Во-первых, невзирая на всю благонадёжность и высокую степень правовых гарантий судебной власти, судья, рассматривающий поступивший материал в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ, остаётся в конкретном уголовном деле «случайным», временным участником, в нужной мере не владеющим его содержанием, не способным (с учетом и без того колоссальной нагрузки) за предоставленный законом 24-часовой срок досконально разобраться во всех хитросплетениях и нюансах, определяющих законность (незаконность) и обоснованность (необоснованность) того или иного следственного действия. К сожалению, официально публикуемая статистика не содержит данных о количестве «забракovaných» судами материалов в порядке последующего судебного контроля за производством осмотра, обыска или выемки. Однако проведенное нами выборочное интервьюирование правоприменителей (следователей, прокуроров, адвокатов, судей, секретарей судебных заседаний) свидетельствует о практически 100%-й судебной поддержке результатов подобных следственных действий, что превращает установленную законом гарантию доброкачественности в очередную профанацию.

В этой связи весьма показательным является сравнение национальных механизмов судебного контроля за производством следственных действий с аналогичными правообеспечительными процедурами, применяемыми в некоторых странах континентальной Европы, в частности во Франции. Да, действительно, основным звеном, обеспечивающим законность досудебного производства во французском уголовном процессе, является следственный судья (*juge d'instruction*). Но это принципиально иной субъект уголовной юрисдикции, не имеющий аналога в российской модели судопроизводства и ни коим образом не сопоставимый с судьей районного (городского или приравненного военного) суда, входящего в судебную систему РФ. Следственный судья – это участник, не принимающий разовые судебно-контрольные акты, а привязанный к уголовному делу на постоянной основе, имеющий возможность наблюдать развитие соответствующих правоотношений в динамике и, таким образом, достаточно осведомленный об обстоятельствах, позволяющих выносить подлинно законные и обоснованные решения о производстве следственных действий. Схожую

роль в советском и российском уголовном процессе ранее выполнял прокурор. Однако сейчас указанные функции фактически разорваны между различными субъектами: руководителем следственного органа (начальником органа дознания), прокурором и судом.

Во-вторых, возможность последующего судебного контроля за производством следственных действий фактически дублируется посредством установленного ст. 125 УПК РФ механизма обжалования правоприменительных актов органов предварительного расследования, причиняющих ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затрудняющих доступ граждан к правосудию. Поэтому если кто-либо из заинтересованных лиц и намерен активно оспаривать законность и обоснованность проведенного осмотра, обыска, выемки, то он (его защитник или представитель) вполне может подать в суд соответствующую жалобу. Если же участник, наоборот, занимает пассивную позицию и не изъявляет желания отстаивать свои интересы, то никакой последующий судебный контроль не способен подлинно восстановить или защитить его конституционные права, поскольку в таком случае ввиду отсутствия реальной состязательности превращается в пустую формальность.

В уголовно-процессуальной науке в последнее время усиливается тенденция, связанная с нормативной реставрацией прежних прокурорско-надзорных механизмов как средств обеспечения законности производства следственных действий. В частности, А.Д. Назаров аргументирует подобные идеи следующим образом: а) прокурор будет иметь возможность работать не с копиями материалов уголовного дела, а с подлинными процессуальными документами, что повысит оперативность в принятии решений; б) федеральные судьи не будут отвлекаться бы на выполнение несвойственных им функций при сохранении потенциального права на рассмотрение соответствующей жалобы в порядке 125 УПК РФ¹. Вместе с тем, конкретные предложения автора по изменению уголовно-процессуального законодательства в этой части представляются несколько странными. Он ратует за сохранение в судебном ведении так называемых «классических» решений о производстве

---

¹ Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 196-197.

следственных действий (о производстве осмотра, обыска или выемки в жилище, о контроле и записи телефонных и иных переговоров). Тогда как остальные решения, подпадающие по контекст ст. 165 УПК РФ, предлагается предать в ведение прокурора¹.

Не совсем понятно, что А.Д. Назаров имеет ввиду под «классическими» судебными решениями о производстве следственных действий? Если автор в данном случае подразумевает акты, затрагивающие международно-правовые стандарты или конституционные права личности, то почему он исключает из своего перечня действия, предусмотренные ст. 185 и 186.1 УПК РФ? С другой стороны, нет никакого смысла сохранять полномочия суда по санкционированию следственных действий в жилище, поскольку (как мы уже неоднократно указывали в своих публикациях) ни нормы международного права, ни Конституция РФ прямо не предполагают подобных предписаний.

Однако, невзирая на некоторую непоследовательность позиции А.Д. Назаровым, намеченный им вектор дальнейшего развития уголовно-процессуального законодательства в части проведения следственных действий, затрагивающих конституционные права личности, в целом представляется совершенно верным и разумным. При отсутствии в России института следственных судей наиболее приемлемым является частичная реставрация советского механизма прокурорского надзора за законностью и обоснованностью следственных действий. Полагаем, что полноценный прокурорский надзор содержит в себе достаточно процессуальных гарантий, чтобы защитить и обеспечить конституционные права и законные интересы лиц, вовлеченных в орбиту досудебного производства по уголовному делу.

В заключении необходимо обратить внимание, что последние годы неоднократно поднимался вопрос о возможности введения в систему российской уголовной юрисдикции тех самых следственных судей, которые осуществляют контроль за законностью производства следственных действий в странах континентальной Европы, в частности Франции. Возможно, наше государство со временем и должно провести подобную реформу, обеспечив, таким образом, существование подлинно независимых субъектов,

---

¹ Назаров А.Д. Указ. соч. С. 197.

выполняющих не столько правоохранительную, сколько правоприменительную и правообеспечительную функции. Тем более, что указанные идеи не чужды национальным традициям уголовного судопроизводства и некогда (с 1864 по 1929 гг.) были воплощены в корпусе судебных следователей.

Однако предпринимаемые в этом направлении шаги должны носить очень осторожный, постепенный и последовательный характер. В настоящее время ни судебная система РФ, ни органы предварительного следствия, ни общество и государство в целом к такой реформе еще не готовы¹. Очередное бездумное перераспределение процессуальных полномочий, скоротечные и импульсивные организационно-штатные изменения в системе органов государственной власти – конечно, самый легкий и быстрый способ «решения» зреющих годами проблем. Но, к сожалению, ни к чему принципиально новому это не приведет, а, может быть, и, наоборот, еще более усилит те «болезни», которыми в настоящее время страдает досудебное производство. Очевидно, что такую реформу надо начинать не с создания новых органов, не с изменений процессуального законодательства, а с пересмотра государственной идеологии в отношении профессии следователя, с воспитания юристов-государственников нового поколения, обладающих наряду с глубокими знаниями, умениями и навыками, высоким уровнем нравственности, правосознания, правопонимания и ответственности, так необходимых для решения непростых задач уголовно-процессуальной деятельности.

---

¹ *Россинский С.Б.* Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2016. № 10. С. 93-100.